

Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix*, или Служение игумена Траяна // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 103–106.

Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix*, или Служение игумена Траяна // Нева. 2012. № 1. С. 6–77.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 559 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. 719 с.

Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 251 с.

---

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

---

**Никита Питерский. Последний игрок: Роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука-бестселлер. Русская проза).**

Красивая жизнь главного героя романа. Двойная. С одной стороны — преуспевающий топ-менеджер в крупной фирме, доросший до руководителя департамента продаж элитной недвижимости. Мечта миллионов молодых людей: командировки в любую страну, огромная зарплата, роскошный кабинет, своя секретарша. Другая жизнь, где он — азартный игрок, охотник за самыми безумными нелегальными играми. И работа для него только средство, чтобы иметь деньги для игр. Герой и его друзья-игроки находятся в водовороте головокружительных и опасных приключений. Петербург, вьетнамский Нячанг, Ницца, Монако, Лас-Вегас. Бои человека с псом, петушинные бои, акулы, бои девушек на ножах, охота за эмигрантами в пустыне Невады. Ставки разные — от нескольких сотен долларов в подпольном питерском казино до десятков тысяч долларов в зрелищах для избранных. Экзотика! Киносценарист Никита Питерский убедительно живописует обе действительности: антураж, психологическую атмосферу, действующих лиц, среди которых офисные работники и сверхбогатые клиенты в одной, игроки, авантюристы, темные личности и бесправные жертвы в другой. Он успешно соединяет экшн и социальные драмы, ситуации комичные и трагичные, динамичное действие и достоверный психологизм. Запутанный сюжет завершается неожиданной развязкой. В занимательную форму «упаковано» серьезное содержание. На поверхности — пагубность азартных игр, а по сути — размышление о современном поколении, о смысле жизни, об ответственности за жизнь свою и других. Главный герой — человек рефлектирующий, у него высокая самооценка, хотя он уже давно живет в квартирах и домах, которые продает. Он презирает и офисный «планктон», и руководство своей фирмы, и ее клиентов, карьерой не озабочен. Его не устраивает и жизнь обывателя: прогулки в парке по выходным, ужин с друзьями, телевизор по будням, походы в магазин. Он особый, он — игрок с точно продуманной стратегией. Игра важнее нравящейся ему женщины, которая может изменить его привычный образ жизни, важнее сына, который живет во Франции с матерью и ее временными бой-френдами и просится к нему в Россию. Он так мотивирует свой выбор: «Я отношусь к поколению, которое уже ни во что не верит, поколению без идеалов, рожденному на обломках великой страны и великой идеи, вместо которых не возникло ничего, кроме лозунгов: „Хватай все, что плохо лежит!“, „Продавай все, что можно и нельзя продать!“ ... «Для меня азартные игры — своеобразный протест, вызов новому миру. С помощью азартных игр я пытаюсь заменить бессмысленность своего существования

на настоящие эмоции и возможность чувствовать себя по-настоящему живым и свободным». На протяжении романа, от эпизода к эпизоду, когда на потребу пресыщенной публики гибнут или восстают участники боев, происходит сложная духовная трансформация героя. Приходит понимание: «Игроков — нужно лечить, лечить их и то общество, которое их воспитывало». Он переживает серьезный внутренний конфликт, не раз пытается «завязать» с игрой. Ускоряется ритм действия, сжимается круг. Гибнут друзья-игроки: У каждого — свой великолепно прописанный характер, свои мотивации, своя судьба. Прозрение и переосмысление приходят к герою, но предстоит еще одно испытание: русская рулетка, где невольной жертвой, на которую делают ставки, становится он сам. «„Итак, продолжим!“ — кричит Бернارد. Он вставляет в револьвер новый патрон и прокручивает барабан. Затем передает его мне. Я беру в руку липкую от крови рукоятку. Все мое тело трясет от страха, который я уже не могу контролировать. „Тридцать секунд! — кричит Бернارد. — Время пошло!“ Я оглядываюсь назад. Прорезиненный халат стоящего за мной мужчины испачкан кровью вперемешку с кусочками мозгов. Подношу револьвер к виску и зажмуриваюсь. Он еще горячий после последнего выстрела. Ну вот и все. Я ощущаю, как с сорокового этажа лечу вниз. Ветер бьет по вискам. Голову разрывает от перегрузки. Я пролетаю мимо этажей, в которых трудятся сотни людей, работающих практически без выходных, чтобы оплачивать счета по кредитам и иметь возможность набирать раз в неделю в супермаркете тележки со жратвой. Эти люди живут той жизнью, которую я всегда презирал, но теперь она мне кажется чем-то вполне приемлемым. Теперь я точно знаю, что мог бы прожить такую жизнь и быть вполне счастливым человеком». Эта книга о поколении, где одни, что в России, что в других странах, утратили смыслы жизни, другие, те, «кому просто не повезло родиться в правильной точке земного шара», — утратили и право на жизнь. Это книга о том, что можно стать по-настоящему нужным на этой планете, что в конце концов удалось герою.

**Александра Голицына. Когда с нами Бог. Воспоминания. Авт. предисл., сост. примеч., имен. указ. и прил. А. К. Голицын. М.: Никея: Редакция «Встреча», 2017. — 480 с., ил. — (Семейный архив).**

Александра Николаевна Голицына, урожденная Мещерская (1864—1940), внучка русского писателя и историка Н. Карамзина. Ее предок по материнской линии знаменитый екатерининский вельможа, граф Н. Панин. Ее детство прошло в атмосфере любви и счастья в уютном особняке в центре Москвы и среди аллей родового смоленского имения. А. Голицына рисует идиллические картины уклада большой русской аристократической семьи: неторопливое течение жизни, множество бытовых подробностей, учеба и игры, отношения в семье и — всегда дружеские — со слугами, разговоры взрослых, к которым допускались и дети: — о русско-турецкой войне, об убийстве Александра II. А среди этих взрослых были М. Катков, И. Аксаков, близкая подруга матери, дочь Тютчева, Екатерина Федоровна. Последовательно и убежденно детей воспитывали в православной вере, в преданности России, прививали нравственные устои. Отец внушал детям: «...с того, кому много дано, много и взыщется. И что те, кто пользуется по рождению преимуществом своего происхождения, ответственны за свои поступки не только перед собственной совестью, предъявляющей к ним повышенные требования, но, прежде всего, перед своими предками и потомками». И дети не только играли и учились, но мастерили поделки для Екатерининской больницы в Москве, кроили бинты и треугольники

из особой материи — из крапивы — и отправляли на Кавказский фронт. Автору мемуаров было тогда восемь лет. У А. Голицыной был счастливый брак, семеро детей. Ее муж, Павел Павлович Голицын (1856—1914), принадлежал к не менее родовитому семейству, в 1901 году был избран новгородским губернским предводителем и оставался им до конца жизни. После его смерти семья из Новгородской губернии в конце 1915 года переехала в Царское Село, там и началась их жизнь в новой стране Совдепии. А. Голицына рассказывает о том, как выживали те, кто на многие десятилетия оказался выброшен из нашей истории. Голодали, не имели самого необходимого, сталкивались с хамством и наглым неуважением ко всему, что когда-то уважалось. Она вынесла заключение в Царскосельском ЧК, после освобождения и попытки бегства в Финляндию ее ждала очередная тюрьма, затем следование по этапу в Москву, а там — Новопесковский лагерь. Понимание, что дворянство просто уничтожали как класс, как «вредный элемент», пришло очень скоро. Самым страшным, самым мучительным было то, что семью разбросало по России, мучила неизвестность, что происходит с детьми. Старшей дочери в 1917 году было 24, младшей — 12. У каждого из детей — своя история, узнать которую иногда мать смогла только после того, как в 1922 году ей и одному из сыновей удалось выехать за границу. В эмиграции оказались все ее дети, кроме Сергея: он погиб в 1938 году в России, где был расстрелян за «шпионаж». В этой книге много поразительных подробностей, и не только о частной жизни одной семьи, но и множества родных, знакомых, близких и не очень, большинство из которых достойно уходило из жизни. Аристократический класс оказался сплоченным: не только друзья и родные, но и незнакомые в «прежней жизни» люди, как могли, поддерживали друг друга. Помогла престарелым, обессиленным, потерявшим надежду по возможности и сама А. Голицына. В том числе и тем, кто когда-то принадлежал или был близок к трону. Этот ставший ненужным стране класс терял многое: приходилось уничтожать дорогие сердцу письма близких, у них «реквизировали» семейные реликвии: портреты предков, дары императоров предкам, драгоценности, их просто обворовывали, отнимая шубы, одежду, в которых потом щеголяли чекисты, их дети и жены. Многие вещи были особо дороги по воспоминаниям. После переворота большевики сожгли усадьбу Дугино, родовое смоленское имение Мещерских, а прах родителей был выброшен из церкви. Книга помогает расстаться со многими устоявшимися мифами. Так, помощь «бывшим» оказывали их слуги, конвоиры, солдаты, сокамерники. «Я еще раз вернулась к прежним мыслям по поводу „классовой вражды“, о которой так много говорили большевики, а в самом-то деле которой не было и в помине, а заключение в общих лагерях приводило, как правило, за редкими исключениями, к единению и братству перед лицом общих мытарств. ...Если вначале и была некоторая враждебность и напряженность, то потом они исчезали». Как глубоко верующий человек А. Голицына хорошо знала церковную жизнь того времени: и как заботились священники о своей пастве, о заключенных и то, как прихожане пытались отстоять свои храмы от разграбления, что часто заканчивалось расстрелом защитников на месте. Свои воспоминания о детских годах, о жизни в СССР и в эмиграции А. Голицына писала за границей, когда все испытания были уже позади и все дети, кроме старшего сына, князя Сергея Павловича, благополучно обосновались вдали от родины. Что помогло им выжить? Система ценностей, отточенная поколениями и основанная на христианском мирозерцании. Любовь и забота друг о друге даже в условиях смертельной опасности для тебя лично, умение сохранять спокойствие и — главное — непоколебимая вера в Бога, молитва, мысль «о том, что все мы в руках Божьих, неизменно помогала в ужасные минуты тревоги и страха». В любых,

самых страшных испытаниях устоит человек, если пребудет с ним Бог, — вот лейтмотив книги мемуаров Александры Николаевны Голицыной. «Слава Богу за все! Хотя мы еще рассеяны по лицу Земли», — заключительные слова воспоминаний. А. Голицына умерла в Будапеште в 1940 году.

**Роман Дмовский. Германия, Россия и польский вопрос. Под ред. Д. С. Буневича, Г. В. Холодова. СПб.: Алетейя, 2017. — 208 с.**

Программная работа выдающегося польского политика-националиста, одного из создателей Второй Речи Посполитой Романа Дмовского (1864—1939). Парадоксально, но лидер польской национал-демократической партии в начале прошлого века отстаивал идею польско-русского исторического союза! Этот труд (1909 год), одно из ключевых политико-философских сочинений, посвященных судьбе разделенного польского народа, не переиздавался ни в социалистической Польше, ни у нас. На изучение наследия Р. Дмовского было фактически наложено табу: он считался радикальным националистом и антисемитом, симпатизировал Российской империи, был убежденным врагом большевизма. Сам он считал себя политическим реалистом, руководствующимся здравым смыслом. Логично, четко Р. Дмовский анализирует проблему упадка и расчленения Первой Речи Посполитой, дальнейшие разделы Польши, ее современное (на начало XX века) положение, «польский вопрос» в Европе и международную политику на разных исторических этапах. Центральная тема — поляки, разделенная нация, ее настоящее в России, Германии и Австро-Венгрии, ее будущее. Некую автономию поляки имели только в Австрии — элементы самоуправления, официальное употребление польского языка в правительственных учреждениях, чего не было ни в России, ни в Германии. Но самая большая угроза полякам и «польскости», считал Дмовский, исходит все-таки из Берлина, ибо немецкие власти проводят на исторических польских землях жесткую политику германизации, которая грозит исчезновением польского народа на территориях под контролем Германской империи. Россия же как покровительница славян заинтересована в сохранении польской нации и объединении всех поляков под скипетром Романовых. Р. Дмовский дает нелицеприятные характеристики европейским державам. Так, по его мнению, Германия по духу своему — держава, склонная к захватам, по образу действий — агрессивная, и остальным европейским государствам приходится чаще занимать оборонительные против нее позиции и определять направление своей политики все более и более в зависимости от своих отношений к Германии и германским планам. Будучи депутатом II и III созывов Государственной думы Российской империи, из имперской столицы Дмовский в глобальном масштабе взглянул на проблему отношений России и Польши. И почувствовал главные «русские болезни», такие, как территориальное расширение при внутреннем застое, всевластие бюрократии и ее бесконтрольность, чрезмерный централизм, слабость, а то и вовсе отсутствие общественных организаций. Он пришел к мысли, что русское государство существует и расширяется с целью создания возможно большего количества чиновничьих мест для русских. А еще указывал на зависимость политики, способа управления, характера экспериментов от конкретного лица на вершине власти, по-своему спасавшего Россию и выводившего ее на новый путь. И все-таки... Размышляя о том, как полякам сохранить национальную самобытность и идентичность в мире, раздираемом противоречиями и интересами великих держав, взвешивая все «за и против», Дмовский пришел к нетривиальному (тем более для польского националиста!) выводу, что интересы русских и поля-

ков имеют много общего и добрососедские отношения принесут двум народам только благо. Он выступал против вооруженной борьбы с Российской империей и организации новых восстаний против власти Петербурга, не принимал ни анархию, ни социалистических теорий. Придерживался идеи национального возрождения через народ, а первоначальной задачей считал экономический и культурный прогресс народных масс, народное просвещение, развитие национального самосознания. В Думе выступал за автономию Царства Польского в составе России, за введение в Царстве Польском преподавания на польском языке в школах всех ступеней, за право национального развития поляков в русском государстве, в перспективе видел восстановление польского государства. В современной Польше интерес к личности Дмовского и его взглядам огромен, в первую очередь среди молодежи, указывают редакторы: многие из «евроскептиков считают, что Польша попала в слишком сильную зависимость от Евросоюза и продвигаемых им ценностей. Склоняясь к концепции Дмовского: реальная угроза не „российский империализм“, а размывание польской идентичности под давлением крупных европейских стран, и прежде всего под давлением Германии, молодое поколение польских правых видит в Дмовском своего идейного вдохновителя и предшественника». И продолжают: «Возможно, эта книга позволит по-другому посмотреть на историю идеологии польских националистов и задаться вопросом — а правы ли публицисты и аналитики, кто говорит о польских патриотах как о самых ярких русофобах в Европе?»

**Макс Гофман. Война упущенных возможностей. СПб.:**

**ООО «Издательство К. Тублина», 2016. — 240 с.**

Германский генерал и дипломат Макс Гофман (1869—1927) считался одним из основных специалистов по России: еще в конце XIX века он полгода был военным атташе в Санкт-Петербурге, затем работал в русском отделе германского Генерального штаба, в русско-японскую кампанию состоял при японской армии, что давало ему основание заявлять: «Русскую армию знал я теоретически и практически». Его мемуары — ценный документ и русской истории: русско-японская война; Восточный фронт (на протяжении всей войны Гофман занимал высшие должности в немецком командовании фронтом); Брестский мир, когда Гофман сыграл основную роль в заключении договора с большевиками; послеоктябрьская Россия. В центре книги — анализ причин поражения Германии в Первой мировой войне. Среди упущений, с точки зрения автора, и сумбур и противоречия в высшем эшелоне, и бестолковое командование, несвоевременное доведение информации об изменении приказов, и невыполнение приказов низшими командирами, неправильно выполненные операции, нехватка дивизий, несостоятельность австрийской армии, погода, дурные дороги в России. М. Гофман, подробно освещая военные операции и на Восточном, и на Западном фронтах, точен в изложении фактов, но не в оценках. Все могло бы сложиться иначе, уверен он, если бы верховное командование Германии следовало его, Гофмана, благим советам. Основные победы немецкого оружия на Восточном фронте он приписывает себе, отодвигая на задний план других военачальников. Он расписывает достоинства и изъяны начатых немцами газовой и подводной войн и сетует лишь на недостаточную подготовленность Германии для их ведения. «Смешно говорить о бесчеловечности и тому подобном, — считает он, — когда Англия начала с того, что объявила голодную блокаду против немецких женщин и детей... я безусловно придерживаюсь мнения, что Германия, во-первых, несомненно имела право вести подводную войну в неограниченных

размерах и, во-вторых, что она была обязана использовать для победы все виды оружия, которые только были в ее распоряжении. Вина в том, что война затронула женщин, детей и мирных жителей, падает на инициатора — Англию». Впечатляюще? Естественно, дается оценка и противникам: русские слабее немцев, но сильнее австрийцев, кроме того, русская армия не выдвинула крупного вождя, а решение царя принять звание Верховного главнокомандующего — ошибка. Среди упущений Германии Гофман называет и не использованную в немецких интересах русскую революцию — и все из-за обманчивой надежды, что удастся вступить в отдельные переговоры с новым правителем Керенским. И очень откровенно пишет об участии Германии и Великобритании в подготовке революции в России: действия английского посла в Петербурге Бьюкенена, перевозка Ленина в Петербург через Германию. Наиболее интересные страницы посвящены Брестскому миру, где на переговорах Гофман представлял германское командование: яркие характеристики участников конференции, стратегические цели делегаций и трения между ними; раздоры в определении судеб Польши, Курляндии, Литвы, Буковины и Восточной Галиции. Под свое особое покровительство Гофман принял посланцев украинской Рады, в расчете использовать их в игре против петербургской делегации. Карты спутал Троцкий, привезя с собой двух украинцев, представителей большевистского правительства, образовавшегося в Харькове. «Представители Центральной Рады протестовали против этого шахматного хода, и дело дошло до довольно энергичных столкновений между украинской и русской делегациями. В превосходной речи Любинский перечислил большевикам все их грехи. Троцкий в своем ответе ограничился указанием, что власть Центральной Рады кончилась и что единственное место, где еще могут распоряжаться ее представители, — это их комнаты в Брест-Литовске. По имевшимся у меня сведениям о положении дел на Украине, я, к сожалению, не имел оснований считать слова Троцкого несправедливыми». В итоге уполномоченные Центральной Рады обратились к Германии с просьбой о поддержке, вследствие чего немецкие войска вступили на Украину. Наиболее интересной личностью на переговорах Гофман считал Троцкого, умного, разносторонне образованного, очень энергичного и красноречивого, точно знающего, чего он хочет. Постепенно участникам переговоров стало ясно, что главная цель Троцкого — провозглашение большевистского учения, что он обращался через голову конференции ко всему миру, не придавая никакого значения работе по существу, а цель большевиков — мировая революция и в первую очередь революционизирование Германии. Большевистская пропаганда оказывала, несомненно, влияние на армию, свидетельствует Гофман, с нее началось разложение и немецкой армии, сначала на Восточном фронте, а затем после переброски войск на Западном. Вот она, недооцененная нами сила пропаганды! В России мемуары Гофмана выходили ограниченным тиражом в 1925 году, впоследствии книга была изъята из библиотек и помещена в спецхран. С тех пор переиздается впервые. Предисловие к книге, отражающее дух своего времени, написал известный советский историк Владимир Гурко-Кряжин.

**Рудольф Баландин. Карл Маркс и «Капитал» в XXI веке. В чем ошибался родоначальник марксизма? М.: Вече, 2016. — 320 с. — (Мифы и тайны современной науки).**

В Советском Союзе попытки развивать теорию Маркса с учетом изменяющихся экономических и социальных явлений пресекались, и казалось, марксизм исчерпал себя. Но историк науки Рудольф Баландин констатирует: в XXI веке ин-

терес к учению Маркса возрождается, об этом свидетельствует и количество ссылок на данного автора в научных и философских трудах последних десятилетий, и новые исследования, посвященные его учению. А книга профессора парижской школы экономики Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» (2014 год) обрела едва ли не всемирную популярность. И это закономерно: учение Карла Маркса выходит из тесных пределов экономики или текущей политики и как синтез разных наук и философии претендует на познание и объяснение основных закономерностей развития общества, дает прогнозы на будущее и остается классикой политэкономии. И хотя некоторые выводы и предположения Маркса устарели, что естественно: его основные труды появились полтора столетия назад, во многом они сохранили свою актуальность, а многие его прогнозы подтвердились. Например, предугадал Маркс установление диктатуры пролетариата сначала в одной стране, затем во многих, дважды подтвердилась его идея о смене капитализма более высокой общественной формацией. Р. Баландин, опираясь на статистические данные, доказывает верность выводов теоретиков марксизма о преимуществах социализма: так, стремительно произошло становление СССР после разрухи Гражданской войны и подъем экономики после победы в Великой Отечественной войне; так, уровень жизни в СССР был примерно средневропейский, несмотря на огромные разрушения и людские потери во время войны. А после развала СССР буржуазная РФ за 20 лет не достигла уровня РСФСР, и это, по мнению автора, доказывает, что социализм прогрессивней капитализма. Социализм у нас был реальным, хотя и не идеальным, а во главе задач ставилась не прибыль, а гармоничное развитие техники во благо государства, общества, человека. С перестройки государство трудящихся (при всех недостатках было именно так) деградировало в давно пройденную стадию господства капитала, правления олигархов. Факторы распада СССР, считает автор, были исключительно психологические. Критически анализируя современный капитализм, Р. Баландин обращается не только к трудам Маркса, но и к работам экономистов, социологов, футуристов прошлого и настоящего: Гоббс, Смит, Хаксли, Достоевский, Замятин, Оруэлл, Станислав Лем... Определяя, чем болен современный капитализм, он полемизирует с Т. Пикетти. Пикетти считает, что возможности отдельного индивида подняться на вершину имущественной иерархии все в большей степени зависят от унаследованного семейного состояния, а концентрация богатства в руках крошечной доли населения и сокращение «среднего класса» в большинстве «развитых стран» есть следствие законов рыночной экономики. У Р. Баландина другой диагноз: реальный смертельный недуг современной цивилизации — в финансовых пирамидах, в том, что бумажная валюта стала мировой, не имея материального эквивалента, а экономика отделена от финансов. Ни Карл Маркс, ни его последователи не могли вообразить, что эксплуатация трудящихся (учитывая и «пролетариев умственного труда») владельцами реальных капиталов и средств производства дополнится откровенным ограблением фиктивным капиталом долларов США. На конкретном материале Р. Баландин показывает, почему и как доходы менеджеров высшего звена непомерно растут и у нас, и на Западе, почему богатеет небольшая группа частных, а беднеет и влезает в неоплатные долги государство. Спасет ли положение пролетарская революция? А где нынче отыщешь пролетариев, готовых идти на штурм буржуазии? Да и пролетарии ли делали революцию? Многое из того, что произошло в XX веке, констатирует Р. Баландин, раскрыло по-новому, в других аспектах законы развития цивилизации. Так, капитализм доказал свою устойчивость, не предвиденную классиками марксизма, недооценена Марксом была духовная жизнь общества, но духовная культура важна не менее, чем материальная: не экономика определяет сознание, а сложившаяся система ценностей,

установок, идеологий духовные, нравственные, интеллектуальные факторы определяют общественное бытие. Не учли классики марксизма негативные последствия технического прогресса, воздействия на общество и духовный мир человека измененной искусственной среды. Как создатель концепций техносферы, психоэкологии, эволюции и деградации цивилизаций в связи с состоянием природы и духовной культуры Р. Баландин особое внимание уделяет биосфере, с которой современная цивилизация вступает во все более острые противоречия. Учение Карла Маркса Р. Баландин поверяет историей XX века, историей нашей страны, современностью, устремлениями Homo techniques, ненасытного потребителя материальных благ. И, апеллируя к определяющему бытие сознанию Homo techniques, задает вопрос: «Жить, чтобы как можно больше потреблять и сгинуть, оставив после себя груды отходов... неужели таков смысл бытия не только обывателя, но и всего рода человеческого, всей истории Земли и Жизни?»

**Петр Толочко. Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб.: Алетей, 2017. — 160 с.**

Авары, болгары, венгры, хазары, печенеги, половцы, торки, монголо-татары... Начиная с V века кочевые народы, вытесняя друг друга, вступая в противоборство с оседлыми славянорусами, пытались закрепиться в причерноморских степях и лесостепных районах, занятых земледельцами. По объективным причинам огромные массы кочевников бежали из Азии в степи Восточной Европы: избыток населения, природные катаклизмы, невозможность прокормиться в родных местах. На новых местах возникали многоэтнические государственные образования: Великая Болгария, Хазарский каганат, венгерская Леведия, земля печенегов — Ателькуза, Поросье в южнорусском пограничье, где под покровительством Руси проживали ее беспокойные подданные, «свои поганые», торки, неприменные участники и антиполовецких походов русских дружин, и княжеских междоусобиц. Местоположение не всех этих «стран» удастся ныне установить. В условиях, когда очередной завоеватель не упускал возможности пожить за счет оседлого населения, рождалась и укреплялась Киевская Русь. Летописи сохранили свидетельства о победах Святослава над хазарами. О битвах Владимира Красное Солнышко, Ильи Муромца и Добрыни Никитича с печенегами народ слагал песни. В результате блестящих походов объединенных русских полков на половцев Мономах «пил золотым шоломом Дон» и «приемшую землю их (половцев) всю и загнавшему окаянныя агоряны» «за Дон, за Волгу, за Яик». Были и сокрушительные поражения, как, например, поход дружин Игоря Святославича в 1185 году. Регион являлся ареной военной и дипломатической борьбы Хазарии, Византии и Руси, чем пользовались печенеги, поочередно выступая союзниками каждой из названных стран и получая за это от них богатые дары. Славяне и Русь не только воевали с кочевниками. Были годы и даже десятилетия мирных взаимоотношений, когда торговые люди обменивались товарами, заключались династические браки, шло оседание кочевников на землях Руси и их интеграция в славяно-русский этнос. Протвостоявшие миры заимствовали друг у друга культурные достижения. Так случалось и в эпоху монголо-татарского нашествия, которое и половцы, и Русь встретили в состоянии внутренней раздробленности, что роковым образом сказалось на их судьбах. Петр Толочко, историк и археолог, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук, сторонник украинско-российской дружбы, последовательно раскрывает страницы древней истории. Кто, где, когда: войны, союзы, торговля, дипломатия,



топография, верования, культура. Он опирается на источники письменные (русские летописи, зарубежные хроники, свидетельства современников) и археологические (раскопы, могильники, клады). Обозначает вопросы, по которым у исследователей и историков нет единодушия, приводит их мнения, их аргументы. Спорит с ними, обосновывая свою собственную точку зрения. Выступает против версии «хазарского Киева», доказывая, что Киев изначально формировался как восточнославянский поселенческий центр, а государство Русь развивалось и крепло не столько под патронатом Хазарского каганата, сколько в постоянном противоборстве с ним. Суммируя приобретения и потери от тысячелетнего взаимодействия славян и Руси со своими степными соседями, он утверждает, что потери были неизмеримо большими. Современниками половецкой агрессии она однозначно воспринималась как зло, что запечатлено в былинах и сказках, где Змей Горыныч, лютый враг древнерусских богатырей, — собирательный образ половцев. П. Толочко выступает против попытки ряда историков изменить хрестоматийное представление о характере нашествия монголо-татар на Русь. Археологические раскопки свидетельствуют о разрушительности монголо-татарского нашествия для Руси: мощные слои пожарищ на территориях городов того времени, следы увечий на черепках и костях человеческих останков, в том числе женских и детских, покоящихся под крепостными стенами, во рвах, на улицах и площадях, в храмах и церквях. И хотя монголы не смогли уничтожить все население или снести его в целых регионах, но, подвергнув террору княжеско-боярские и высшие церковные круги русского общества и фактически уничтожив их, монголы, по существу, народ обезглавили. Объективно, считает историк, славяне и Русь действительно заслонили собой европейские народы от опустошительных вторжений кочевников, и «образующееся европейское просвещение было спасено от монгольских варваров растерзанной Русью». И все же, утверждает исследователь, историческая перспектива практически всегда оставалась за земледельцами, органично связанными со своей землей. Грозные властители степей, покорявшие хлебопашцев, в конечном итоге оказывались жертвами своих жертв: сгорали в ассимиляционном котле аборигенов, расселялись на их землях, перенимали их язык, культуру и веру, растворялись в массе оседлого населения. Истории было угодно, чтобы тюрко-болгары превратились в славяно-болгар. Со времени монголо-татарского нашествия потеряли не только свою независимость, но, по существу, и собственную историю половцы. Удалось сохранить на новых землях свой язык и свой этнос только венграм. Но авары, хазары, печенег, торки, половцы не исчезли бесследно. Длившееся более тысячи лет соседство двух миров, кочевых народов степей с восточными славянами и Русью оставило взаимный и неизгладимый след: в топонимике, в значительном количестве тюркизмов в древнерусском языке, в украинских песнях — «Чорни брови, карі очі», но больше всего — в области этногенеза кочевого и оседлого населения. И никуда мы не денемся от своей истории.

Публикация подготовлена  
**Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ**

Редакция благодарит за предоставленные книги  
Книжную Лавку Писателей  
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,  
[www.lavkapisateley.spb.ru](http://www.lavkapisateley.spb.ru))